

К.Г. Тимофеева

**IPSEN-PITZMEIER S., KAISER M. (HG.) ZUHAUSE FREMD:
RUSSLAND-DEUTSCHE ZWISCHEN RUSSLAND UND DEUTSCHLAND.
BIELEFELD: TRANSCRIPT, 2006. 426 S.**

**Чужой среди своих: российские немцы между Россией и Германией /
Под ред. С. Ипсен-Питцмайер, М. Кайзера. Билефельд: transcript, 2006. 426 с.**

С 1988 по 2004 г. в Германию прибыло около 3 млн переселенцев из бывшего Советского Союза. В последнее время миграция этнических немцев и их родственников в Германию стала менее интенсивной, однако общее число наших бывших соотечественников в ФРГ могло бы составить население небольшой страны. Их положение в Германии в высшей степени неоднозначно. С одной стороны, они не являются мигрантами, а сразу получают немецкое гражданство. С другой стороны, немцы сегодня называют переселенцев русскими и не считают их «своими». Самоидентификация переселенцев из бывшего СССР поддерживает такое отношение, но и сама подвержена его влиянию. Все это осложняет процесс интеграции «русских немцев». И если до конца 1980-х гг. эта проблема не тематизировалась ни в немецкой науке, ни в политике (возвращение на «историческую родину» подразумевало беспроблемную интеграцию), то с 1989 г. отсутствие или недостаточное знание немецкого языка у переселенцев*, изменение мотивов их переселения, а также сокращение социальной помощи со стороны государства сделали проблему интеграции «русских немцев» актуальной как в практическом, так и в научном отношении.

В рецензируемом сборнике под многоговорящим названием «Чужой среди своих» представлены результаты количественных и качественных исследований по традиционным проблемам социологии миграции, а также анализ специфики ситуации переселенцев и новых тенденций как результата новых индивидуальных стратегий.

Вводная статья **Маркуса Кайзера** «Мультилокальные жизненные проекты русских немцев» очерчивает исследовательский контекст и раскрывает

* Большую часть этих переселенцев теперь составляли родственники этнических немцев — русские и представители других национальностей бывшего СССР.

теоретико-методологическую основу сборника. По мнению автора, жизненные ситуации и стратегии переселенцев из бывшего Советского Союза в Германии не могут быть адекватно изучены с помощью ассимиляционного подхода. Это связано с тем, что поздние переселенцы* не прекращают контактов со своей «старой родиной». Они не подвержены давлению полной ассимиляции, а свою «инаковость» и связи с бывшими соотечественниками зачастую используют как дополнительный ресурс. Это новое явление — трансмигрантов — следует, по мнению Кайзера, изучать с помощью новых, транснациональных подходов, а не ограничивать его контекст территорией национального государства.

Отход от ассимиляционной парадигмы, на наш взгляд, связан с некоторыми трудностями понятийно-методологического порядка. С одной стороны, такие понятия, как «транснациональный», «транслокальный», все же подразумевают наличие национального и локального, и наиболее важным образованием является, конечно, национальное государство и общество. Поэтому исследователь, допуская большую свободу индивида в выборе ценностей, идентичности, группы общения, может обратиться к другому «проблемному» полюсу — к государству и к проблеме его целостности. Зачастую, однако, нежелание исходить из категорий, которые могут показаться оценочными (интеграция, адаптация, ассимиляция), приводят к методологическому индивидуализму, к исследованию индивидуальных стратегий в многомерном социальном пространстве, структурирование которого исключается из задач исследователя.

В этой связи важным достоинством данного сборника является многообразие подходов. Один из них — интеграционный — представлен статьями **Йоахима Брюсса, Райнера Штробля и Доротеи Броммлер**. Эти авторы уделяют основное внимание взаимодействию объективных факторов (социальная/языковая компетенция, правовой статус, денежные ресурсы, доступ к социальным благам) и субъективных установок и ценностей. Объектом исследований, результаты которых представлены в книге, являются молодые переселенцы (15–20 лет). Выбор объекта обусловлен проблематичностью интеграции именно этой группы. Подростки, первичная социализация которых прошла в совершенно другом обществе, которые в большинстве своем не владеют немецким языком и не располагают достаточными экономическими ресурсами, с трудом вступают в контакт с «коренным» населением. Здесь, как показывает Й. Брюсс, важна ориентация самих переселенцев на межэтническую коммуникацию, однако зачастую объективные факторы (в частности, расселение в социальных квартирах в одном квартале, возникновение поселений, напоминающих гетто**) приводят к тому, что группа переселенцев замыкается на самой себе. И в этой связи вряд ли можно говорить о свободном выборе идентичностей. Скорее здесь имеет место давление, при-

* Так после 1993 г. в Германии стали называть всех этнических немцев, прибывших из бывшего Советского Союза, Польши, Румынии и прочих государств в соответствии с законом об изгнанных.

** Как пишет Доротея Броммлер, некоторые из таких кварталов немцы называют «Малым Казахстаном».

нуждение к интеграции, а в случае ее неуспешности — самоизоляция как компенсаторный механизм, позволяющий поддержать чувство собственного достоинства и стабильную идентичность. Таким образом, как констатирует Доротея Броммлер, проблемы у переселенцев сегодня такие же, как у других мигрантов. Ситуация коренным образом отличается от того, что было в середине 1980-х гг., и поэтому необходимо также изменение политики в отношении переселенцев.

Очевидно, однако, что интеграция переселенцев или мигрантов не может целиком направляться политическими мерами; она складывается также из их собственных стратегий и инициатив. Ханс-Вертер Ретгерат исследует в своей статье одну из таких стратегий самоорганизации — колонии* «русских немцев». Значение колоний для интеграции двойственно. С одной стороны, это общество внутри общества, достаточно замкнутое этническое поселение со своей инфраструктурой. Однако Ретгерат обращается к другой стороне колоний, рассматривая их как буферные зоны, дающие возможность постепенной адаптации. Многолетнее исследование, проведенное качественными методами во Фрайбурге, позволило выявить условия возникновения (прежде всего так называемая «цепная миграция») и важные социальные функции колоний переселенцев: помощь вновь прибывшим, стабилизация личности**, социализация, социальный контроль. Неформальные структуры, выполняющие эти функции, переселенцы не принесли с собой со своей «старой родины», но и не заимствовали из немецкого общества. Они создаются на новом месте в соответствии с новой ситуацией. Развивая мысль Ретгерата, можно предположить, что подобные колонии — не просто временное явление, связанное с недостаточной поддержкой со стороны государства. Возможно, эти структуры находятся в русле общей тенденции, с одной стороны, отхода от государственного патернализма и развития сообществ солидарности, а с другой стороны, развития мультикультурного общества, когда возникновение таких сообществ на этнокультурной основе не угрожает целостности общества в целом.

Большим препятствием для интеграции переселенцев в общество Германии является, по мнению автора следующей статьи Вальдемара Фогельзанга, членство в религиозных, в частности, баптистских сектах. В статье изложены результаты качественного исследования, проводившегося в течение двух лет (2004–2005) и изначально посвященного проблемам интеграции молодых переселенцев. Исследователи посчитали необходимым более внимательно изучить ситуацию тех подростков и молодых людей, которые состоят в общинах баптистов. Для них к одному проблемному измерению — необходимости адаптироваться к новому социально-культур-

* Термин «колония» в данном контексте означает структуру отношений на базе самоорганизации приезжих.

** Не остался без внимания и эмоциональный аспект колониальных структур: так, знакомое окружение вплоть до привычных продуктов из «русских магазинов» помогает справиться с тем давлением, которое неизбежно возникает при столкновении с чуждой социально-культурной средой.

ному окружению после «вынужденной миграции»* — добавляется еще одно: существенное расхождение между ценностями, повседневной культурой, социальным устройством их микросреды (общины) и макрообществом. В статье описывается пуританский образ жизни баптистской общины переселенцев, ее ценности и цели воспитания молодежи. Фогельзанг приходит к выводу, что патриархальный уклад, нетерпимость и закрытость общины (вплоть до запрещения детям и подросткам общаться с теми, кто не является членами общины) вступают в конфликт со структурами светского общества и создают серьезные препятствия для межкультурного диалога и интеграции. На наш взгляд, важные результаты для изучения данной темы могло бы дать сравнительное исследование немецких религиозных общин и общин переселенцев.

Во второй части сборника теме религиозности русских немцев посвящена статья **Владимира Ильина**. Опираясь на теорию Бурдые о социальных полях, Ильин анализирует пересечение религиозного поля с другими полями: политическим, экономическим, социальным. Особое внимание в статье уделено общине меннонитов. Здесь автор приходит к тому же выводу, что и Фогельзанг: наиболее остро конфликт мирских и религиозных ценностей проявляется в области воспитания молодого поколения. Зато на экономическую и социальную интеграцию принадлежность к общине меннонитов оказывает однозначно положительное влияние.

В целом статья (довольно большая по объему) дает комплексное представление о влиянии принадлежности к той или иной церкви на процесс интеграции. Следует, однако, отметить, что, используя категорию поля, В. Ильин не реконструирует поле взаимодействия и борьбы различных сил, как можно было бы предположить, зная теорию поля Бурдые. Внимание автора статьи сосредоточено на единственном акторе — переселенцах, а анализ их положения осуществляется в традиционных категориях меньшинства — большинства.

Для первой части сборника, посвященной проблемам интеграции переселенцев, характерно в целом недифференцированное использование таких конструкций, как «русские немцы», переселенцы/мигранты из бывшего Советского Союза. По-видимому, такая трактовка отражает ситуацию и в немецком обществе: между выходцами из республик СССР не проводятся этнические, территориальные или статусные различия — это все «русские». Однако сами переселенцы более чутко воспринимают различия в своей среде, и постепенно их дискурс становится понятным и коренному населению Германии.

Вторую часть сборника, имеющую подзаголовок «Самоопределение и внешнее приписывание», открывает статья **Астрид Баэрвольф** о коллективных и индивидуальных стратегиях идентичности «русских» в Берлине.

Исходной точкой для своего исследования А. Баэрвольф взяла юридическое разделение двух привилегированных миграционных потоков в Германию — на основе принадлежности к немецкой или еврейской национальности. По мнению автора статьи, такое разделение изначально структурировало групповую идентичность мигрантов и способствовало актуализации этни-

* Для подростков миграция является вынужденной постольку, поскольку решение о переселении в большинстве случаев принимается родителями.

ческих категорий идентификации. Несмотря на то что их объединяет общее советское прошлое, русский язык, схожее отношение со стороны немецкого населения, существуют факторы, которые приводят к ситуации взаимного игнорирования и пренебрежительного отношения: «В Берлине практически нет таких мест, где можно было бы встретить одновременно и русских евреев, и русских немцев» (С. 176). И хотя в индивидуальной идентичности, складывающейся из истории семьи, культуры, мотивов переселения и т. д., этническая принадлежность играет не главную роль, разграничение между группами происходит именно по этому признаку. Поскольку этничность трактуется А. Бауэрвольф как социальная категория, здесь уместно вспомнить о закономерности, о которой П. Бурдые писал в «Различении»: у представителей групп/классов, стоящих на соседних ступенях социальной иерархии, сильнее всего стремление провести границу между этими группами. В контексте понятно, почему обе эти группы мигрантов подчеркивают «тонкие» различия*, которые немецкому населению со стороны кажутся незначительными по сравнению с их сходством между собой.

Следующая статья — **Мария Савоскул** «Российские немцы в Германии: типы этнической самоидентификации» — продолжает тему, которой была посвящена статья Х.-В. Реттерата, но уже в другом ракурсе: теперь анализируется не влияние внутренних структур** общины переселенцев на их интеграцию в немецкое общество, а, наоборот, использование этих структур в зависимости от степени интеграции. Эту проблему автор соотносит с этнической самоидентификацией переселенцев и выделяет три ее типа: исключительно немецкая идентичность, двойная русско-немецкая идентичность с достаточной степенью интеграции в немецкое общество и неопределенная этническая идентичность. В статье анализируются характеристики людей с разными этническими идентичностями и их обращение к внутренним структурам российских немцев. Вывод, к которому приходит М. Савоскул, заключается в том, что люди с немецкой идентичностью, обладая большим социальным и культурным капиталом, используют внутренние структуры для удовлетворения духовных потребностей (русско-немецкий театр, литературные общества и т. д.), тогда как для поздних переселенцев с не устоявшейся этнической идентичностью внутренние структуры часто замещают чуждые или недоступные им структуры макрообщества.

В статье представлен обширный исторический, статистический и эмпирический материал, однако основной тезис представляется спорным. Во-первых, что касается самого понятия «внутренние структуры». Как нам кажется, это понятие применимо к социальным структурам *реальной* общины/группы; оно не имеет смысла в качестве простого сложения тех структур, которые созданы или к которым имеют какое-то отношение переселенцы как определенная правовая категория. Если существует три различных группы переселенцев,

* При этом активно используя понятие «менталитет».

** В отличие от более комплексного понятия колонии понятие «внутренние структуры» подразумевает вполне конкретные организации: землячества, исторические общества, театры, магазины и т. п.

которые даже избегают общения друг с другом (С. 213), то и «внутренние структуры» у них будут у каждой свои. Второй момент касается трактовки этнической самоидентификации как независимой переменной: влияние на нее внутренних структур, к которым обращаются переселенцы, не меньше, чем обратное влияние. Впрочем, возможно, это уже тема другого исследования.

Процессуальный характер культурной идентичности переселенцев из бывших советских республик в большей степени учтен в статье **Ульриха Райтемайера**. Метод, который он применял в своем исследовании, — это анализ разговоров переселенцев с местным немецким населением. В этих разговорах находит отражение их самоидентификация на данный момент, реакция на восприятие их другими, а также стратегии по саморепрезентации. Очень тщательная интерпретация этого разговорного материала позволила Райтемайеру выделить несколько типов (и одновременно этапов) самоидентификации (немцы в СССР, переселенцы на основании этнической принадлежности, маргиналы), которые проявляются в процессе общения с местным населением.

Не менее важную тему, чем повседневное общение, рассматривает в своей статье с провокационным названием «Правые — выразители интересов российских немцев?» **Татьяна Голова**. Опираясь на концепцию политического представительства и отчуждения П. Бурдье, Т. Голова анализирует, с одной стороны, политическое поведение переселенцев, а с другой стороны, отношение к ним политических партий и других политических акторов. При этом в центре внимания находятся партии, союзы и печатные органы правого толка. В связи с постепенным отходом новых избирателей из числа переселенцев от своих электоральных предпочтений — консервативного Христианско-демократического союза, на них обратили свое внимание правые силы. Однако говорить о подлинном политическом представительстве в этом случае нельзя, поскольку у переселенцев нет реальной возможности влиять на тех, кто использует их «проблему» для получения дополнительных голосов на выборах и для увеличения символического капитала. Изучив восприятие русских немцев в дискурсах различных правых кругов, автор приходит к выводу, что благожелательное отношение к русским немцам наблюдается только в автономном политическом поле, там, где создается идеология. На этом уровне используется образ «народного братства», тогда как на уровне «уличной политики» (например, в молодежных товариществах* правого толка) отношение к переселенцам определяется обыденными представлениями о культурной близости и является крайне неприязненным. В третьей части сборника представлены две статьи об исключении (эксклюзии). Что это: результат неудавшейся интеграции отдельных индивидов или структурно обусловленный процесс? Вопрос актуален для немецкого общества как с научной, так и с практической точки зрения. И если обыденное сознание видит угрозу в появлении анклавов чужой культуры, связывает с ней исключительно негативные социальные явления (преступность среди молодежи, употребление алкоголя и т. д.), социология призвана выявить их подлинные,

* Добровольные товарищества стали появляться после запрета неонацистских организаций в середине 1990-х гг.

социальные причины. Об этом пишет в своей статье и **Сабине Цинн-Томас** «Несовершеннолетние преступники из числа переселенцев — жертвы или виновники?» В статье нет однозначного ответа на этот вопрос, но есть предупреждение о том, какой осторожности и непредвзятости требует научное изучение проблемы. Научный анализ может иметь большое значение для изменения ситуации, когда во взаимодействии двух других дискурсов — повседневности и СМИ — этнизация социального в обыденном сознании подтверждается искаженной статистикой и якобы экспертными оценками.

Собственно социологическое исследование причин исключенности переселенцев из жизни общества дается в интересной статье **Ирины Рабков** «Немцы или чужие? „Быть переселенцем“: государственное конструирование и социальная реальность». В качестве теоретической основы автор статьи выбрала фигуративный подход Н. Элиаса и Дж. Скотсона. В этой связи следует отметить переключку с размышлениями, сформулированными в предыдущей статье. Ведь создавая свою фигуративную социологию, Элиас стремился именно к тому, чтобы избежать влияния на науку мифологических построений обыденного сознания и взятых из естественных наук схем. В центре его подхода стоит взаимозависимость людей в обществе, и, на наш взгляд, в социологическом исследовании проблемы переселенцев в Германии этот подход наиболее перспективен. Отправной точкой для исследования, представленного в статье И. Рабков, стала фигурация отношений между национальным государством и транснациональной миграцией. Изменения в трех ключевых структурах, регулирующих эти отношения, — СМИ, миграционная политика и распределение социальных прав — привели к тому, что после 1989 г. переселенцы стали социально неблагополучной группой в рамках немецкого общества.

Заключительная часть сборника, посвященная мультилокальности и транснациональности биографий и жизненных проектов «новых» мигрантов, переключается с первой статьей. Такая рамочная конструкция неслучайна, поскольку связующей идеей сборника о переселенцах из Советского Союза в Германии является идея миграции нового типа, в ходе которой образуется новая транснациональная идентичность. В статьях завершающей части эта идея раскрывается с помощью различных концепций. В статье **Цыпылмы Дариевой** «Российские немцы, национальное государство и семья в эпоху транснационализма» для исследования семейно-родственных и дружеских связей российских немцев используется концепция расширенного гражданства. **Михаэль Шёнхут** в статье об этнической идентичности переселенцев предлагает понятие «обретения родины» (Beheimatung), которое, в отличие от статичного и идеологически нагруженного (а в Германии даже дискредитированного) понятия Родины или Отечества отражает процессуальность и соотнесенность с актором, с его индивидуальной стратегией и жизненной ситуацией. В статье **Ольги Курило** в центре внимания находится посредническая функция российских немцев. Автор статьи видит отличие российских немцев от прочих представителей этой нации в том, что они соединяют в себе элементы русской и немецкой культуры и, следовательно, являются культурными гибридами. С собой в Германию они приносят некоторые эле-

менты русской культуры, продолжают интересоваться русской литературой, музыкой, русскими фильмами. Создается действительно обширный рынок предложений для русскоговорящего населения Германии. Однако, на наш взгляд, вывод о его посреднической функции недостаточно обоснован: как указывает сама О. Курило, немцы, интересующиеся культурой русских немцев, очень немногочисленны (С. 402) — по-видимому, вследствие низкого социального статуса переселенцев. Более того, перечисленные в статье культурные инициативы русских немцев (и в Германии, и в России) позволяют сделать вывод о самоизоляции этой группы: подчеркивая необычность своей этнической ситуации, в России этнические немцы также вряд ли могут надеяться на понимание и интерес к немецкой культуре со стороны российского населения.

В двойственности культурной идентичности переселенцев Ольга Курило видит большой социальный потенциал, возможность создания коммуникативных сетей и в России, в Германии, однако по прочтении статьи сам собой напрашивается вывод, что ориентация на ассимиляцию в немецкое общество приносит большие социальные дивиденды, чем ориентация на интеграцию с сохранением двойной идентичности. И, возможно, межкультурная коммуникация переселенцев с мигрантами из Турции и бывшей Югославии — это не проявление взаимного интереса у представителей разных культур, а социально обусловленное сближение на фоне общего низкого социального положения и изоляции этих групп. Определить мотивы такой коммуникации в каждом конкретном случае можно, только располагая данными о степени интеграции (культурной, социально-нормативной, экономической)*.

Подводя итоги, можно сказать, что книга «Чужой среди своих» представляет собой попытку социологического осмысления новой культуры и новой идентичности переселенцев из бывших республик СССР. Это сложная задача, поскольку речь идет о культуре и идентичности трансмигрантов: для них нехарактерна жесткая зависимость от общества происхождения или принимающего общества, они находятся в постоянном движении, конструировании. Это явление авторы сборника исследуют — как количественными, так и качественными методами — прежде всего с точки зрения социальной интеграции. Тема социальной интеграции, в свою очередь, традиционна для социологии миграции, и таким образом обеспечивается преемственность социологического знания, что, на наш взгляд, является одним из важных достоинств сборника.

* При сравнении интеграции турецких мигрантов и переселенцев из бывшего Советского Союза обнаруживается следующее преимущество первых перед вторыми: выходцы из Турции и их дети, родившиеся уже в Германии, могут использовать возросший спрос на «этнические продукты» (в широком смысле слова), тогда как переселенцы по своему официальному статусу обязаны поддерживать немецкую культуру. Таким образом, транснациональный характер их миграции не имеет структурно закреплённых преимуществ перед ассимиляцией, хотя он определенно может приносить выгоду на индивидуальном уровне. Сравнительное исследование см. в: Klaus E., Rauer V., Schmidtke O. Die Einhegung des Anderen. Türkische, polnische und russlanddeutsche Einwanderer in Deutschland. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004.